

Полемика с высокими словами в советской литературе второй половины 50-х - начала 60-х гг. XX в.

НАТАЛИЯ А. КОЖЕВНИКОВА
(Москва)

Как писал В.Н.Волошинов, "... одним и тем же языком пользуются разные классы. Вследствие этого в каждом идеологическом знаке скрещиваются разнонаправленные акценты... Эта социальная многоакцентность идеологического знака - очень важный момент в нем. Собственно только благодаря этому скрещению акцентов знак жив и подвижен, способен на развитие... Но именно то, что делает идеологический знак живым и изменчивым, то же самое делает его преломляющей и искажающей бытие средой. Господствующий класс стремится придать надклассовый вечный характер идеологическому знаку, погасить или загнать внутрь совершающуюся в нем борьбу социальных оценок, сделать его моноакцентным. На самом же деле идеологический знак двулик, как Янус" (Волошинов 1929: 27).

Эта особенность идеологического знака широко отразилась в языке советской литературы, одной из важных тем которой было отношение к так называемым "высоким словам".

Эта категория слов включает в себя не только и не столько слова с высокой стилистической окраской (типа *чаяние, деяние, свершение*), но чаще слова высокие с точки зрения содержания: *родина, патриотизм, подвиг, энтузиазм*. Они часто осмысливаются как слова газетные. С их судьбой связано и поведение собственно публицистических штампов. Особенность этих слов в том, что они способны наполняться прямо проти-

воположным содержанием, а каждая социальная группа использует их посвоему и в своих целях. В свое время в предисловии к новому, исправленному и дополненному изданию словаря В.И. Даля об этом писал И.А.-Бодуэн де Куртенэ: “Возьмем для примера слова *патриот* и *патриотизм*. Сами по себе эти слова весьма почтенные и заслуживающие почитания согласно их первоначальному источнику. Такими они бывали всегда и такими, вероятно, воскреснут в будущем. Но кто же виноват, если в последнее время эти слова взяты в исключительную аренду известными “партиями” и группами и получили вследствие этого - впрочем не только в России, но и в других странах - разбойничий, погромный и карательный оттенок?” (Бодуэн де Куртенэ 1912).

Один из постоянных мотивов литературы середины 50-х - начала 60-х годов - высокие слова обветшали, стерлись, стали прописными истинами, обесценились, произошла инфляция, девальвация слов: “Я знаком с этими прописными истинами. Я не люблю, когда вслух говорят о вещах, известных каждому. От частого употребления теряется смысл” (Ю.Бондарев, *Последние залпы*), “... я понимаю, отчего возник страх перед словами. Говорят, что медузы бывают очень красивые и переливчатые, пока не возьмешь их в руки. Вот то же и со словами. Многие слова страшно затерты и захватаны. И поэтому приземляют самое высокое” (Ф.Вигдорова, *Семейное счастье*), “Попробуй Вовкину бригаду вдохновить лозунгами «энтузиазм, комсомольский долг, патриотизм»! От частого повторения в зубах навязли эти слова, смысл потеряли” (А.Гладилин, *Бригантина поднимает паруса*), “Ведь не ответишь же ему словами, которые обычно вкладывали ему в рот в своих очерках беседовавшие с ним журналисты: «Высокий долг», «Радость созидания», «моральная ответственность» и другими подобными, настолько уже примелькавшимися, что давно стерся их первоначальный большой и хороший смысл” (Б.Полевой, *На диком берегу*).

Для литературы второй половины 50-х годов проблема высоких слов стала особенно актуальной по двум причинам. Злоупотребление высокими словами связывается с отрицательными социальными явлениями предшествующего периода (с такой точки зрения эта проблема рассматривается в книжке И.Зверева *Что за словом*), нашедшими отражение в газетной и ораторской речи. Отсюда полемика не только с злоупотреблением высокими словами, но и с газетным, ораторским, канцелярским, беллетристическим штампом.

Злоупотребление словом, иногда бессознательное, но чаще сознательное, бросило тень и на сами слова, и на понятия, выраженные ими, породило недоверие к ним. Слово, по природе своей убеждающее, стало неубедительным.

У этого вопроса есть и другая сторона. Литература предшествующего, сталинского периода, как и публицистика этого времени, немало сделала для того, чтобы “высокие” слова обесценились. Полемика с высокими словами в 50-х - 60-х гг. была одновременно и полемикой с тем типом литературного произведения, который был своего рода эталоном для предшествующего периода и который стал отрицательным эталоном для литературы конца 50-х - начала 60-х годов, своего рода трамплином, от которого она отталкивалась.

Отрицательное отношение к высоким словам в этом случае часто выражалось не только в отталкивании от конкретной фразеологии, а и в отталкивании от того типа литературного произведения, который характеризовался высокой патетической настроенностью, и имело следствием перестройку всей стилистической системы. Высокому в широком смысле слова (патетике, риторике, дидактике) противопоставлялось низкое, обыденное - в широком же смысле слова (интерес к быту, повседневной жизни и речи). Соответственно изменилось отношение к словесному материалу: с одной стороны, вводился новый словесный материал (разговорная речь, просторечие, жаргон, диалект), с другой, старый материал использовался в новой функции.

Эта двойная полемика охватила самые разные явления литературы и развивалась в разнообразных направлениях, и полемика с высокими словами была лишь частью общего пересмотра и эстетической и содержательной ценности иллюстративной литературы 40-х - начала 50-х годов, но частью очень важной, едва ли не центральной.

Две общие тенденции - социальная и стилистическая - обуславливают и способы употребления высоких слов и газетно-публицистических штампов и их соотношение с другими речевыми средствами.

Как естественная реакция на злоупотребление высокими словами, пришла боязнь высоких слов, намеренный отказ от них. Высокие слова оцениваются как риторика, как фраза, не выражающая сущности явлений, в лучшем случае, как повторение чужих слов: “Избегая обращаться к Тулину, он попробовал пристыдить восхищенного Ричарда: неужели ему не дорога честь коллектива? - Фраза... - заявил Ричард. - Терпеть не могу

фраз. Что такое наш коллектив? Что такое его честь?” (Д.Гранин, *Иду на грозу*), “Ты стоишь на обочине, когда вся молодежь в большом походе, - сказала она однажды.

И Дима при всем уважении к ней заподозрил, что Тася где-то вычитала эти красивые слова” (И.Зверев, *Дима*).

Прямое, неполемическое, неироническое высокое слово поставлено под сомнение. Даже тогда, когда высокое слово употребить нужно, его все-таки трудно употребить: оно привносит в речь риторичность, высокопарность, отсюда постоянные оговорки, извинения (простите за высокое слово и т.п.). Отсюда и возможность отделения “высокого” понятия от захватанного слова: “Вероятно, энтузиазм есть естественное и одно из лучших состояний человека. Но слово это у нас как-то... затрепали, затащали. Очень небрежно обращаются с ним, хотя бы по радио” (А.Солженицын, *Для пользы дела*), ср. в литературе 30-х гг.:

“Ему очень трудно было произнести это слово, но все же он его произнес без паузы.

- ... и наконец, из энтузиазма бригады”.

Он произнес это слишком патетическое и газетное слово “энтузиазм” с такой серьезной и деловой простотой, как если бы он говорил об улучшении питания или о переводе на сдельщину.

Произнеся это слово, он покраснел до корней волос. Ему было очень трудно произносить его перед человеком, который наверное истолкует его, Маргулиеса, в дурную сторону. И все же он это слово произнес, потому что, отчитываясь перед дежурным по строительству ..., он счел себя обязанным точно высказать все свои соображения по техническому вопросу. Понятие энтузиазма входило одним из элементов в понятие техники” (В.Катаев, *Время, вперед!*).

Злоупотребление высокими словами выражается, во-первых, в несоответствии слова ситуации, во-вторых, в несоответствии слова смыслу явления, в-третьих, в несоответствии “содержания” слова его эмоциональному ореолу. Эти особенности подсказали и приемы полемики с “высокими” словами. Эти несоответствия используются при полемике как сознательный прием, направленный на то, чтобы разрушить единство слова.

Злоупотребление словом не означает только его употребление в тех речевых ситуациях, где оно неуместно, но выражается и в разнообразных смысловых смещениях. Немотивированно широкое употребление высоких

слов сопровождалось искажением их смысла и искажением действительности при их помощи.

С одной стороны, в литературе 50-х - начала 60-х годов берется под защиту высокое слово вообще - вне его реального бытия, с другой - слово само по себе, слово вообще, сколь бы высоко оно ни было, значит еще не так много, если неизвестно его реальное наполнение, социальные и психологические мотивы его употребления. Высокое слово при таком подходе не есть нечто застывшее, вечное, раз навсегда данное. Оно - арена борьбы разных социальных групп, столкновения разных представлений о жизни.

Слово "вообще" выводится из привычного ряда и анализируется с разных точек зрения с целью установить его действительную ценность. Высокого слова самого по себе уже недостаточно для того, чтобы определить позицию говорящего. Оно нуждается в истолковании, в комментариях, в прояснении смысла, который в него вкладывается, в определении социальных мотивов его употребления: "Судья не должен быть в плену готовых представлений о вещах. «Общественность следит»? Надо посмотреть, что это за общественность, имеет ли она право называться общественностью. «Интересы государства»? Надо еще посмотреть, государства ли это интересы. Должностное лицо - это еще не государство, и ученый-корифей, даже три корифея - это еще не наука" (В.Дудинцев, *Не хлебом единым*).

Литература как бы заново определяет значения слов, отделяя действительное от мнимого. Отсюда характерное для литературы 50-х - 60-х годов двойное истолкование одних и тех же слов, двойное освещение одних и тех же событий и явлений. Слово сопоставляется с действительностью и проверяется ею. Верхний словесный слой снимается, и за ним открывается подлинный смысл фактов:

"Мало нам старика Чижова... Один день проработает, а потом месяц пьяный валяется. Теперь к нему Генька прибыл - трудовые резервы... Знаешь, что в Журавлеве самое противное? Вот я пойду и скажу: «Зачем к нам Чижова прислали?» Он глазом не моргнет, ответит, что Чижов герой труда. Ты ему свиной хлев покажи, скажет - дом как дом, жить можно" (И.Эренбург, *Оттепель*),

"Шли последние дни квартала, сборщики гнали аппаратуру на сдачу, и вдруг Крылов забраковал всю серию штанг... Мастер устроил ему разнос перед лицом бригады слесарей, пришел начальник ОТК и тоже принялся

стыдить его - борьба за план, героические усилия коллектива, честь завода, подвиги комсомольцев.

Крылов попросил объяснить, почему обязательно надо сдать контакторы к тридцатому числу, а с первого опять сидеть на простоях, в чем смысл этой формальности и какой зарез государству получить контакторы на двадцать часов раньше” (Д.Гранин, *Иду на грозу*).

Одно и то же явление истолковывается по-разному, обозначаясь, с одной стороны, высоким словом, с другой - словом обычным или вовсе оставаясь неопределенным. Двойственное название и истолкование также открывает реальное наполнение “высоких” слов:

“Ну что ж, сходи на передний край, постреляй из пулемета. По крайней мере будет что в политдонесении писать: активные боевые действия, воюем, не молчим, не теряем боевого духа... - насмешливо ответил Серпилин.

Бережной это “поднять активность” называет, а на самом деле просто мальчишество” (К.Симонов, *Солдатами не рождаются*).

“Вторую неделю идет дождь, дует ветер. В палатке сыро и холодно. - Гошка, как ты думаешь, в этом наверное, есть своеобразная романтика. Это спрашивает Вадим...

- Что? Романтика? - Гошка долго не может сообразить, в чем дело.

- Не знаю, Вадим. - Ну, а зачем же мы тогда сидим? - Ну, как? Ну... нужно так, вот и сидим. Урожай кому-нибудь нужно собирать” (В.Войнович, *Мы здесь живем*), “Забавное дело, когда поднимаешь ловушку для сайры и тебя обливает с ног до головы, а в лицо сечет разная снежная гадость, в этот момент ты ни о чем не думаешь, или думаешь о том, что скоро сменишься, выпьешь кофе и на бок, а оказывается, что в это время ты ”в обстановке единого трудового подъема и так далее” (В.Аксенов, *Апельсины из Марокко*).

Полемика с плоским представлением о человеке, выраженным в газетных формулах: “Вы жили так же честно, как и... как и совершили свой подвиг. И вы не дурака свалили, когда ехали с рудой. Вы, наверное, были охвачены порывом?” содержится в повести Г.Владимова *Богатая руда*.

Привлекают внимание писателей резкие крайние случаи несоответствия между словом и обозначаемым им явлением, полный разрыв между словом и реалией или ситуацией: “Подлая пакость: ради треклятой липы людей послали в горячий котел. Совершать подвиг, как вы изволили выразиться. Совсем не ради того послали, чтобы пустить агрегат досрочно

(это тоже глупость, но хоть можно понять). А их послали для того, чтобы досрочно сдать агрегат комиссии, чтобы сводка была красивая. А потом все равно ему стоять, потому что турбина потребительница будет только через полгода. Мы этого гада Фокина хотели из всех мест выгнать. Так он вашей газеткой отбился. Подвиг на заре!” (И.Зверев, *Рассказ бывшего щенка*).

Поскольку реальные отношения между словом и явлением оказались разрушенными - высокое слово выражает не истинную точку зрения, возвышая, преувеличивая или искажая, используется и обратный полемический ход - намеренное снижение объективно высокого. Высокое и обычное противопоставлены, высокое слово может иметь дополнительную характеристику “газетное” (сталкиваются взгляд со стороны и взгляд “изнутри”): “... понемногу оклемался, пошел работать сторожем, потом пастухом, а позже сделал мне один мой дружок в МТС вторую руку, железную, вроде ухвата, и вскоре сел я на трактор. Про меня даже в газетах писали, я чуть ли не герой и так далее. Но я не герой и делал это лично для себя - понял, что помру, если останусь, один без пользы для людей” (Э.Казакевич, *При свете дня*), “Ерунда, сынок, Гриша уговорил меня работать, я попробовал, вроде получается, ну и остался, чтоб не скучать. Так было дело. Житейское дело, а подвиг, это чтоб людям читать было интереснее” (В.Панова, *Рабочий поселок*), “ - Скромничаем? - улыбнулся Бережной. - Скромность - это хорошо, но в меру! Побили, значит, Сафонова? Рекорд, а?

“Вон он о чем!” - с облегчением подумал дед. Он никак не ожидал, что речь пойдет о последней важне в мукомолке, необыкновенное и прекрасное слово “рекорд” показалось ему настолько несоответствующим делу, что Резник сразу решил: Бережной что-то путает.

- Да нет... Какой же рекорд... Ребята, конечно, старались, но рекорд... Какой же это рекорд” (Я.Голованов, *Заводная обезьяна*), “Однажды Вовка прочитал: «Рабочие стройки, все как один, в ответ на призыв ЦК (упоминалось последнее обращение партии к труженикам сельского хозяйства) с огромным энтузиазмом, с большим подъемом, вдохновленные борьбой за оборачиваемость оборотных средств, совершают свои трудовые подвиги» ... Нет, когда рабочий у станка, - он не сгорает от энтузиазма, не выкрикивает лозунги, не суетится. Он работает размеренно, сосредоточенно, экономно, умело. Он не считает, что этим он совершает трудовой подвиг. Он работает так не потому, что его вдохновила кампания за оборачиваемость оборотных средств. ... И именно эта спокойная, размеренная

работа и приводит к тем результатам, что в газетах тут же называют трудовыми подвигами, энтузиазмом масс и прочими дежурными словами” (А.Гладилин, *Бригантина поднимает паруса*).

Если слово объективно соответствует сущности явления, во всяком случае не искажает ее, его предпочитают не употреблять, так как оно скомпрометировано множеством случаев употребления не к месту, когда слово не соответствовало существу дела. Слово “вообще” конкретизируется, отвлеченная формула применяется к данному случаю и проверяется им. Таким образом разоблачаются всеобъемлющие слова - формулы, слова-рецепты, мнимо многозначительные, а по существу пустые: “... он стал поучать и наставлять: - Ты думаешь, Фомушкин, руководить районом - раз плюнуть? Нет, брат, не так. Не так совсем... Надо с народом держать связь. С народом. - Держим связь, - попытался отбрыкнуться Валерий Гаврилович... - Ты - связь! Нету связи, оторвался от народа... С такими темпами отрыва от народа не скоро придем к коммунизму, а обратно пятиться будем” (Г.Троепольский, *В камышах*).

Когда слово конкретизируется: “Я возьми, да и скажи Переметову на полном серьезе: «А как думает народ?» Вытаращил глаза Переметов. - «Ты народ? Какой из тебя народ? Ты - агроном государственный!» - кричит мне. И обязан выполнить установку”, выясняется, что в устах этого персонажа “народ”, “связь с народом” - фикция, а постоянные ссылки на народ, связь с народом служат всего лишь маскировкой, за которой открывается пренебрежение к мнению народа, слепое почтение к установкам.

Столкновение разных акцентов в идеологически важном слове - столкновение и борьба разных миропониманий, а сами эти слова - узловые точки полемики. Противопоставление разных смысловых наполнений одного и того же слова открывает разрыв между значением слова и его реальным наполнением. Poleмически сталкиваются слова в их высоком значении и слова, истолкованные извращенно, искаженно: “Рабочие разоренного войной поселка постановили зимовать в землянках. - Не понимаю, - сказал Мошкин, - почему вы против этой резолюции. - А потому что, - ответил Сотников, - если вы хотите иметь от человека хорошую работу, потрудитесь подумать, чтобы этому человеку получше жилось. В этом, между прочим, патриотизм, а не в том, чтобы держать рабочего в землянке” (В.Панова, *Рабочий поселок*). За одним и тем же словом стоят противоположные мотивы - бездушие, безразличие к людям и человечность. Слово как бы расщепляется, разветвляется на два противоположных смысла,

которые существуют под единой оболочкой, один из них отстаивается как истинный, другой отвергается как ложный. По-разному истолкованные “высокие” слова становятся водоразделом в определении позиции говорящего.

При неотчетливости конкретного значения высокие слова обладают устойчивым эмоциональным ореолом, который часто скрывает неотчетливость значения и возможность существования под единой оболочкой разнонаправленных смыслов. “Оно совершенно отвлекается от конкретности, но в нем остается клубок ассоциаций, очень эмоциональный, хотя и спутанный; чем больше захватано такое слово, тем больше в нем эмоциональных оттенков, помимо конкретного значения” (Тынянов 1929: 471).

Слова *героизм, подвиг, мужество, романтика* освобождаются в литературе 50-х - середины 60-х годов от трафаретно-красивых ореолов, от банальных представлений, связанных с ними, представлений очень устойчивых и живучих. Один из способов полемики - столкновение слова и представления о его содержании: “Вот какая волынка - раз ехать, два ехать, три ехать - может любое благородство отбить. Это похуже, чем какой-нибудь поступок. Поступок совершаешь мигом: кидаешься в горящий дом, или в бурлящий водоворот, или еще куда-нибудь, куда нужно, спасаешь, кого нужно, рискуя собой... И если останешься жив, говоришь: “Каждый советский человек на моем месте поступил бы точно также!” А потом скромненько идешь домой или отбываешь на носилках в больницу - и все” (И.Зверев, *Двадцать шесть и одна*), ср. “Командир отряда, узнав обо всем, поблагодарил разведчицу за ее благородный поступок. На это девушка ответила: - Товарищ командир, я не вижу, в чем тут мое благородство. Поступила нормально, и каждый сделал бы одинаково на моем месте” (М.Зощенко, *Никогда не забудете*).

Слово выводится за пределы обычного ряда таких же высоких слов и привычных для него сочетаний и ставится в другой ряд, утрачивая при этом свой высокий эмоциональный ореол: “... тут в газете писали, что мы романтики! Я не люблю этого слова. Получается так: есть романтики, есть и реалисты. Реалисты трезво смотрят на жизнь, значит романтики кто? Дураки. Вот хотя бы ты... Ты в Боярске реалист, а я залез в тайгу по уши, романтик... Идиоты! Мы практичны, мы самые и есть реалисты, потому что мы думаем реально и строим реально, а как раз романтики-то и драпают от нас” (А. Приставкин, *Рожденному жить*), “Время выдвигает свое слово. И слово это - ПОСТУПОК. ... Поступок требуется каждый день и

исключительно редок. А подвиг... Они, конечно, были, есть и будут в наше удивительное время. Но ведь вот возникают непонятные дискуссии: "В жизни есть место подвигам?", "В жизни нет места подвигам?". Бессмысленно ведь спросить: "В жизни есть место поступку?"

Поступок - форма воплощения человека. Он неприсохлив на вид и исключительно труден в исполнении. Неблагодарен в принципе. Подвиг ищет форму и требует условий, подразумевающих награду. Поступок существует вне этого. И подвиг я могу понять лишь как частный вид поступка, способный служить всеобщим примером" (А.Битов, *Путешествие к другу детства*).

Той же цели - смещению, разрушению "красивого" эмоционального ореола - служит уточняющий контекст, построенный на столкновении семантически и стилистически разноплановых слов: "Черный хлеб романтики" (Л.Жуховицкий), "Кончилось дело, сдан наш объект. И теперь - кому совсем увольняться, кому хлебать эту самую романтику дальних дорог..." (И.Зверев, *Континентальный характер*).

В литературе 50-х - 60-х годов злоупотребление высокими словами представлено как признак беспринципного фразерства, ложный пафос - как орудие демагогии. В этом своем качестве "высокие" слова - одно из основных средств характеристики отрицательных персонажей.

Среди разнообразных социальных явлений, которые литература конца 50-х - 60-х гг. связывает со злоупотреблением высокими словами, особое внимание писателей привлекает социальная мимикрия, которая расценивается как явление, характерное для социальных типов, порожденных культом личности и представляющих его "остаточные явления": "Культ-то умер. Да вот... культята есть... Думаете, культура нету, то и переметовых нету?" (Г.Тропольский, *В камышах*), "Культы нет, но служители остались" (Д.Гранин, *Иду на грозу*), "Завели во время культуры, а теперь остановить не могут. Вечный завод оказался" (А.Арбузов, *Нас где-то ждут*).

Сущность образа в том, что человек говорит "чужие" слова сознательно, намеренно: "Но еще больше раздражали ее философские рассуждения Леонида Ивановича, который ловко умел сказать к месту: "базис", "государственный долг", "коллектив" и тому подобные слова, прикрывая ими любой свой интерес, любую свою слабость" (В.Дудинцев, *Не хлебом единым*), "Есть у меня на земле враг... Он не капиталист, не подлец-империалист и даже не сукин сын - социал-предатель. Это враги ясные и открытые, а тот враг иного склада. В чем его великая вина? Он мне

принадлежащие слова говорит. Те слова о Родине, о партии, которые не ему, а мне всего дороже. Иному совестно о своей любви к родимой земле болтать, а этот до хрипоты кричит - люблю, беззаветно люблю... Но и того мало. Он свои шкурные, жалкие интересы прикрывая, со мной от имени государства говорит..." (А.Арбузов, *Потерянный сын*).

Правильные слова - средство самозащиты; *забор, изгородь, завеса, дымовая завеса* - образы, часто встречающиеся при характеристике речи персонажей: "Он весь в правильных словах, как орех в скорлупе" (Б.Полевой, *На диком берегу*).

Злоупотребление словом разоблачается через нарушение стилевой прикрепленности слова. Слово вырывается из контекста, где оно обычно, и переносится в новое стилистическое окружение. Речевые ситуации не разграничиваются - однотипные речевые средства в одной и той же функции используются и в тех ситуациях, где они уместны (например, в официальной речи), и в тех, где они неуместны (в речи бытовой), их употребление не зависит от ситуации, не связывается с ней. Нерасчлененность речи, отсутствие ее ситуационной обусловленности и как следствие этого, несоответствие речевых средств и ситуации используется как художественный прием. Несоответствие внутренней сущности человека и его слов раскрывается через несоответствие слова и ситуации. Газетно-публицистический штамп в этом случае дваакцентен: он заключает и акцент героя, который употребляет его как нейтральный или высокий, и иронический акцент автора. В речи героя густо сконцентрированы газетные клише. Фон, на котором они выступают, может быть стилистически нейтральным или сниженным: "Давно я тебе хочу сказать, Большакова... Ты вот на вечерах танцуешь, прыгаешь перед людьми, а достаточно ли это авторитетно для комсорга? Павел Корчагин так бы не поступил. Он не стал бы на эту дешевку размениваться. Ты одно помни, Большакова, мы в походе... В походе... Смотри, докатишься, будешь, как Тарас Лодочкин в трусах щеголять. Ну к чему эта расхлябанность? Дань заграничной моде... Рассматривают, видишь ли, и обсуждают репродукции западных художников, Сезанна и других абстракционистов, и уходят тем самым от больших вопросов современности... Нам с тобой не к лицу перед различной гнильцой капитулировать" (А.Арбузов, *Нас где-то ждут*).

Излюбленный прием разоблачения - нагнетение публицистической фразеологии, при этом в полемику вовлекаются и новые клише: "вот они, покорители Сибири; Они по воле партии разбудят этот богатейший край,

создадут гигантскую электростанцию, зажгут огни новых городов; ехать в Сибирь, на передовую линию строительства коммунизма...; жемчужина семилетки...; век спутников...; веский вклад в сокровищницу семилетки...; благородное творчество на общее благо...; партийная совесть не позволяет мне присваивать даром чей-нибудь труд...; золотой фонд строительства...; маяк; правофланговый...; в этом конкретном случае классовое чутье вам изменило...; типичный деклассированный элемент...; высоко нести знамя Оньстроая (Б.Полевой, *На диком берегу*).

Фальшивость речи подчеркивается различными способами: и тем, что высокие торжественные слова употребляются в бытовых ситуациях, и прямыми оценками речи, и комментариями других персонажей: “Я не могу, и это я официально заявляю руководству треугольника, перед представителем прессы, я не позволю сейчас в годы всенародного трудового подъема, в годы, когда каждый советский человек стремится принести свой посильный взятк в великий сот семилетки” - “Волга впадает в Каспийское море... Курить вредно... Пить молоко полезно...” - твердил про себя Надточиев, стараясь отвлечься от гладких, округлых фраз, поднимавших в нем горькую злость” (Б.Полевой, *На диком берегу*).

Социальная мимикрия выражается и в своего рода двуязычии. Раздвоению личности, раздвоению сознания соответствуют и разные речевые средства. Явное, показное, рассчитанное на людей, и тайное, скрытое противостоят друг другу. Речь “для людей” - средство маскировки и приспособления, в основе ее та же публицистическая фразеология, которая используется и в бытовом, и в официальном общении. На первый план в речи выдвинуто типовое, неиндивидуальное начало. Речь “для себя” - тайная, скрытая - отражает подлинную индивидуальность говорящего. Речевая характеристика двойственна и строится она на сопоставлении разных оценок одних и тех же вещей, разных манер речи, маски и лица.

“- А что вас держит в жизни, какие стимулы? Ведь если разобраться, работа у вас малоинтересная, скучная...”

Воробьев, который было очень насторожился, наконец, понял, что от него требуется, и радостно ответил:

- Нет, работа наша интересная! Для того, кто любит сельское хозяйство, здесь все увлекательно. Сельское хозяйство - это что? Это, так сказать, залог нашего продвижения к коммунизму. Это обилие продуктов в стране - раз. Это сырье для промышленности - два. Это в конце концов школа передового опыта - три. И мы полны решимости...

Он испугался, не загнул ли насчет школы передового опыта, но писатель строчил в упоении.

- Насчет стимулов! - напомнил он, не поднимая головы. - И стимулы у нас есть, - неуверенно ответил Воробьев, лихорадочно соображая: «Какие ему еще к черту стимулы? Кажись, все сказал, как следует...»

- Сколько вы, например, зарабатываете? - А! - понял наконец

Воробьев. - Зарботки наши зависят от благосостояния колхоза. Богатый колхоз - полновесный трудодень. И так, знаете, боремся за увеличение колхозных богатств, за повышение материального и культурного благосостояния... - Он устал говорить и вдруг съехал: - А вообще, знаете, морочливая работа председателем, ну его к лешему” (А.Кузнецов, *У себя дома*).

Здесь нет резкого разъединения и противопоставления двух манер. Разностильные речевые средства - публицистическая фразеология и бытовые слова - присутствуют в речи одновременно, объединены в одном контексте. Раздвоение личности происходит на глазах и выражается в колебании между средствами разных стилей, за которым скрывается колебание между двумя точками зрения - официальной и личной. Мысль, подлаживаясь под заранее заданную схему и облекаясь в устойчивую публицистическую фразеологию, движется в одном направлении, мысль, не скованная и выражаемая в естественной для говорящего грубоватой манере, - в другом: “работа... интересная”, “все увлекательно” - “морочливая работа, ну его к лешему”.

Кроме того, происходит и полная смена акцентов, совпадение акцентов автора и героя в едином ироническом. Смена акцентов в газетных штампах, часть которых представляют цитаты из речей и статей Сталина, сопровождается изменением фона - публицистические штампы на фоне сниженной речи: “ - Как вам работается, товарищ Корабельников? Довольны? - Мм... как вам сказать? Труд в свое время очеловечил обезьяну, товарищ Куняев. - Хм!.. - Но в наше время является делом чести, доблести и героизма. Следовательно, я доволен зарплатой и своим начальством” (Ю.Бондарев, *Двое*), “Тулин засмеялся: - Пример преданности своему делу. Он героически продолжал выполнять свой долг. Вот он перед нами, простой советский человек” (Д.Гранин, *Иду на грозу*), “- Красиво живете, - вздыхает Виктор. - А ты как там? - Все то же. Серые будни. - Творческие будни, полные пафоса созидания? - Они самые” (В.Аксенов, *Звездный билет*), “Интересно, - медленно проговорил он, - едешь в поезде и не знаешь, кто напротив сидит. - А сидит-то пережиток капиталистического сознания, -

усмехнулся Димка” (В.Аксенов, *Звездный билет*), “ - Пойми, - сказал он мне, - просто неудобно нам здесь сидеть. Здесь много наших рабочих. - Ага, - кивнул я, - авторитет руководителя, принцип единоначалия, кадры решают все” (В.Аксенов, *Апельсины из Марокко*).

Общее соотношение речевых средств в литературе 50-х - 60-х годов относительно единообразно: серьезное позитивное использование газетных штампов принадлежит отрицательным персонажам, ироническое, негативное - положительным. Лишь в отдельных случаях это четкое соотношение разрушается, и газетные штампы иронически использует отрицательный герой.

Отрицательное отношение к злоупотреблению высокими словами было столь влиятельным, что оказало воздействие на те произведения, в которых публицистическая фразеология, в частности, высокие слова - необходимое средство характеристики положительных героев и прямое авторское слово. Тяготая к высоким словам, авторы этих произведений под давлением общего отрицательного отношения находят нужным оговаривать их присутствие. Часто эти оговорки лишь формальный прием, никак не влияющий на общий характер речи. Именно как формальный прием, как поверхностное, чисто внешнее средство отражения общей тенденции, эти оговорки присутствуют даже в произведениях, злоупотребляющих высокими словами: “В нашу эпоху индивидуализм является тем троянским конем, при посредстве которого чуждая идеология стремится проникнуть в советское общество. Юрка явно важничал, произнося эти грозные слова, но глубокая его убежденность встревожила Надю. - У нас такие достижения сейчас! - воскликнула она... - Спутников земли запустили, новые моря создали. Двадцатый век - это век кибернетики, электроники, овладения атомной энергией. Физики учатся управлять термоядерными реакциями. Энергетики гигантские гидростанции строят. Что же тут может сделать жалкий индивидуализм?” (А.Коптяева, *Дар земли*). Характеризуя манеру речи (“явно важничал”), автор пытается смягчить газетно-публицистическую риторику. Но общая картина от этого не меняется.

Вряд ли имеет смысл приводить другие примеры - они однотипны, и смысл их один и тот же: протест против штампа, не подкрепленный контекстом произведения, обесмысливается, остается лишь внешней формальной данью моде, не затрагивая самые основы стиля. Декларируя свою непричастность к штампу, писатель остается в его лоне.

Серьезное и пародийное близко подходят друг к другу. Для сравнения - пародийное изображение лекции о любви и дружбе: "В капиталистическом обществе вся любовь сводится к влечению одного пола к другому. В советском обществе интересы мужа и жены не противостоят друг другу. У нас юноша и девушка прежде всего стараются узнать культурные потребности и интересы друг друга и только после этого соединяют свои судьбы. Потому что дружба может быть без любви, а любовь не может быть без дружбы (А.Володин, *Фабричная девчонка*) и серьезное употребление сходных формул: "Любовь, вероятно, самое красивое и сильное чувство у людей, а в нашем обществе она должна быть еще прекрасней, потому что у нас нет узколичного счастья... Советский человек находит радость в работе, и у него непременно должна возникнуть потребность разделить эту радость с любимым человеком... Я прежде всего хочу любви неразменной, на всю жизнь, любви такой, которая окрыляла бы меня и дома и в обществе. Но чтобы всегда, везде и прежде всего я чувствовала себя человеком, а уж потом помощницей мужа, матерью его детей (А.Коптяева, *Дар земли*).

Отдельные примеры свидетельствуют о том, что пропорции вновь смещаются: отталкивание происходит уже не от высоких слов, а от их отрицания: "Кому-то надо давать материалы, в которых нуждается страна, - сказала я скрипучим голосом фразу, более пригодную для публичного выступления, нежели для частной дружеской беседы. Я убеждаю себя не бояться таких фраз, хотя бы потому, что многие мои товарищи их боятся" (Н.Давыдова, *Вся жизнь плюс еще два часа*).

Смысл спора о высоких словах в литературе 50-х - 60-х гг. не в том, чтобы отказаться от них. Он виделся в том, чтобы отобрать слова у тех, кто не имеет права их произносить, очистить слова от различных наслоений, привести их в соответствие с жизненным содержанием, вернуть слову точный смысл

Полемика со штампом расценивалась как борьба за то, чтобы слово перестало быть маской, за то, чтобы оно было обеспечено делом, за то, чтобы оно раскрывало естественную сущность явления, а не скрывало ее. Вот как об этом писал В.Аксенов в ранней повести "Коллеги": "Не нужно бояться высоких слов. Прошло то время, когда отдельные сволочи могли спекулировать этими словами. Мы смотрим ясно на вещи. Мы очистим эти слова. Сейчас это главное: бороться за чистоту своих слов, своих глаз и душ. А на старье в облаву!".

Литература

Бодуэн де Куртене И.А., 1912, *Предисловие. - Толковый словарь живого великорусского языка В.Даля*, изд. 4, т. 1, Спб.-М.

Волошинов В.Н., 1929, *Марксизм и философия языка*, "Прибой".

Тынянов Ю.Н., 1929, *Архаисты и новаторы*, "Прибой".

Polemic against the Lofty Vocabulary in the Soviet Literature of the late 1950s and the early 1960s

The author is interested in the principles governing the use of lofty vocabulary (the so-called high words) in the Soviet literature of the 1950s and 1960s.